

УДК 821.111.«19»

DOI: 10.32342/2523-4463-2021-1-21-7

Е.В. МАКСЮТЕНКО,

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры зарубежной литературы

Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара

«ВО ФРАНЦИИ ... ЭТО УСТРОЕНО ЛУЧШЕ...». ЙОРИК КАК ФИЛОСОФ И СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

В статье освещается сложившаяся традиция понимания литературных текстов Лоренса Стерна как философских. Однако восприятие «Тристрама Шенди» и «Сентиментального путешествия», принадлежащих перу «английского Рабле», через философскую доминанту в поэтике – тема дискусионная, которая имеет своих сторонников и противников. Порою отдельные исследователи вовсе отрицают философскую направленность произведений Стерна, иные – если и не отказывают ему в заинтересованности в сочинениях философов-современников, с многими из которых Стерн встречался и поддерживал дружеские отношения (Юм, Гольбах, Д’Аламбер, Дидро), тем не менее упрекают писателя в том, что он либо не создал последовательной системы философских взглядов, либо не состоялся как оригинальный мыслитель (Дж. Уорк). Все же с течением времени ряды литературных критиков, убежденных в органичности философской проблематики для романов Стерна, ширятся (Э. Хедфилд, Дж. Хоули, Ш. Риген, П. Дэвис, К. Лаптон). Специалисты утверждают, что если творчество Стерна дистанцировать от интеллектуального климата эпохи, то оценки литературной деятельности художника будут упрощены, и он останется «сочинителем для узкого круга энтузиастов» как «самый влиятельный нечитаемый литератор» (Эндрю Хедфилд). Мартин Баттестин, напротив, в своих знаменитых эссе, написанных в 1994 г., посвященных Стерну – «A Sentimental Journey»: Sterne’s “Work of Redemption”, “Sterne Among the Philosophes: Body and Soul in “A Sentimental Journey”, – настаивает на неотделимости романистики автора от ведущих философских тенденций столетия. Первая из его работ, «Сентиментальное путешествие»: «произведение-искупление» Стерна», и станет объектом аналитического комментирования в данной статье. Автор использует такие исследовательские методы, как историко-литературный, социокультурный и биографический.

Ключевые слова: лирико-психологическая проза, «имажинарное путешествие», этический сентиментализм, естественная религия, деизм, материализм, роман философской тенденции.

У статті висвітлено усталену традицію розуміння літературних текстів Лоренса Стерна як філософських. Проте сприйняття «Тристрама Шенді» і «Сентиментальної подорожі», що належать перу «англійського Рабле», через філософську доміную в поетиці – тема дискусійна, яка має своїх прибічників і супротивників. Часом окремі дослідники цілком заперечують філософську спрямованість романів Стерна, інші – якщо і не відмовляють йому в зацікавленості у творах філософів-сучасників, з багатьма серед яких Стерн зустрічався і підтримував дружні стосунки (Юм, Гольбах, Д’Аламбер, Дідро), однак докоряють письменнику в тому, що він або не створив послідовної системи філософських поглядів, або не ствердився як оригінальний мислитель (Дж. Уорк). Все ж такі із плином часу ряди літературних критиків, впевнених в органічності філософської проблематики для романів Стерна, ширяться (Е. Хедфілд, Дж. Хоулі, Ш. Ріген, П. Девіс, К. Лаптон). Спеціалісти стверджують – якщо творчість Стерна дистанціювати від інтелектуального клімату епохи, то оцінки літературної діяльності художника будуть спрощені, і він залишиться «автором для вузького кола ентузіастів» як «найвпливовіший нечитабельний літератор» (Ендрю Хедфілд). Мартін Баттестін, навпаки, у своїх знаменитих есе, написаних у 1994 р., присвячених Стерну, – «A Sentimental Journey»: Sterne’s “Work of Redemption”, “Sterne Among the Philosophes: Body and Soul in “A Sentimental Journey”, – наполягає на невіддільності романистики автора від провідних філософських тенденцій століття. Перша з його

робіт, «Сентиментальна подорож»: «твір-спокутування» Стерна», й стане об'єктом аналітичного коментування у цій статті. Автор використовує такі дослідницькі методи, як історико-літературний, соціокультурний і біографічний.

Ключові слова: лірико-психологічна проза, «імажинарна подорож», етичний сентименталізм, природна релігія, деїзм, матеріалізм, роман філософської тенденції.

В статтю освітлена сложившаяся традиция понимания литературных текстов Лоренса Стерна как философских, аналитически комментируются ведущие положения знаменитых эссе Мартина Баттестина, посвященных романисту. Автор использует такие исследовательские методы, как историко-литературный, социокультурный и биографический.

Спустя месяцы пребывания во Франции, поначалу с любопытством участвуя в пестрой веренице встреч, мимолетных знакомств, учтивых бесед с теми, которые, подобно ему, Чувствительному путешественнику, отправились на континент за новыми впечатлениями, герой Стерна, Йорик, преодолев расстояние от Кале до Парижа, с течением времени устанет от впечатлений и затоскует в круговерти столичной жизни. Ранее, в дни мая, не найдя аргументов в споре с собеседником, выразившим сомнение в его праве судить о нравах страны, в которой он не бывал, совестливый и быстрый в решениях Йорик уже на следующий день на борту пакетбота переплывет Ла-Манш, около трех часов отобедает в трактире и поднимет бокал бургундского за здоровье французского короля [Стерн, 1968, с. 544].

По натуре Йорик порывист, склонен к перепадам настроения, тороплив и, увлекаясь, не удосуживается назвать повод перепалки, возникшей между ним и неким джентльменом. Свои записки о поездке он начнет небрежно, с полуфразы, поставит читателя в затруднительное положение и заставит многих в течение столетий строить предположения о том, так «что же во Франции обустроено лучше...»? Проницательные критики тотчас обратят внимание читателей на общность композиционного оформления Стерном «Тристрама Шенди» (“I wish either my father or my mother...as they were in duty both equally bound to it, had minded what they were about when they begot me...”) [Sterne, 2012, p. 3] и «Путешествия», где рисунок повествования призван выявить игру свободного рассказа сочинителя, преднамеренно ослабившего семантику начала в жизнеописании Тристрама и путевых заметках Йорика.

Жан Вивьес напомнит о замешательстве, которое испытывает каждый, кого тревожит уклончивость первых (“They order...this matter better in France”) и последних слов (“...when I stretch'd out my hand I caught hold of the *fille de chambre's*—”), обращенных Йориком к слушателям его истории [Viviès, 1994, p. 244]. Вивьес допускает, что сторонники теории деконструкции испытывают истинное наслаждение от невозможности твердо установить границы смысла в исходном и завершающем эпизодах общения повествователя и его аудитории. Исследователь убежден, что содержательная многослойность «Путешествия» задана Стерном не только с помощью приема нарративной мистификации, открытости концовки и вскользь проговоренного начала, но и потому, что в последнем произведении писателя присутствует аллюзия на возможность преодоления конечности бытия, так как автор втайне надеется, что его текстам суждена долгая жизнь [Viviès, 1994, p. 244–245].

Неопределенность зачина «Сентиментального путешествия» и заметное лукавство героя-рассказчика, не сразу открывающего причины посещения Франции, все же не обескураживает литературоведов. Они полагаются на признание самого Йорика, которое прозвучит в его беседе с графом де Б*** (гл. «Паспорт. Версаль»), в реальности – графом де Биси [Стерн, 1968, с. 613–618]. Йорик-Стерн обратится к влиятельному вельможе с просьбой о выдаче паспорта, удостоверяющего личность: существование в стране противника без сопроводительных документов, а Франция и Англия находятся в состоянии войны, чревато опасными последствиями и, быть может, даже заключением в Бастилию, что тревожит миролюбивого пастора. Тем более что граф де Б*** не преминет спросить англичанина о том, какие тайны Франции его привлекают, на что Йорик любезно ответит, что если его и занимают тайны, сокрытые от досужего глаза, то это, скорее, неразгаданность женских сердец и их доброта. Йорик попытается убедить сиятельного аристократа в том, что его приезд во Францию – это не более, чем «скромное путешествие сердца в поисках *Природы* и тех при-

язненных чувств, что ею порождаются и побуждают ... любить друг друга – а также мир...» [Там же, с. 615]. Однако искушенные читатели и критики правомерно ощущают, что мотивы, побудившие Йорика отправиться во Францию, не всегда односложны, очевидны и раскрываются как бы исподволь.

Игровая расплывчатость фразы, открывающей «Сентиментальное путешествие», допускает возможность ее изменчиво-прихотливого толкования. Майкл Зайдел (1985) предостерегает читателя о самонадеянности в желании разгадать уклончивую повествовательную перспективу автора и прояснить для себя значение двусмысленной реплики Йорика [Seidel, 1985, p. 2]¹. Однако предостережение Зайдела не останавливает любопытных читателей и критиков, они принимают вызов автора, становятся соучастниками диалога, но диалога неполного, намеренно построенного на обрыве мысли, приеме умолчания, который изобретательно использует повествователь с тем, чтобы вовлечь собеседника в поиск неявных и сокрытых смыслов [Ливергант, 2018; Battestin, 1994; Hardie-Forsyth, 2018; Ogée, 1986; Seidel, 1985; Viviers, 1994].

В 90-е гг. прошлого века в Сорбонне (1994), а затем по прошествии десятилетий, в 2018 г., в Кембридже ведущие исследователи западноевропейской литературы XVIII ст. вновь вернутся к обсуждению «Сентиментального путешествия» Лоренса Стерна, текста, спор о котором длится на протяжении столетий и едва ли будет завершен [‘Alas, Poor Yorick!’, 2018; Ogée, Battestin etc., 1994]. На конференциях присутствовали филологи-мэтры и литературные критики младшего поколения, уже завоевавшие авторитет в научной среде. Какие бы вопросы не освещали докладчики – а их выступления затрагивали разнообразие тем, – направленность поиска в большей мере определяло полемическое понимание феномена чувствительности.

Знаменитый Мартин Баттестин в Сорбонне представил на суд аудитории одну из своих поздних работ, посвященных Стерну, где задался целью показать близость и несовпадение восприятия философско-эстетического комплекса сентиментализма французскими мыслителями XVIII ст. и Стерном, что, по его мнению, нашло отражение в интеллектуально-игровом сюжете романа [Battestin, 1994]. Не опровергая присущую Стерну симпатию к Франции, что особо ценили и ценят французы, для которых Стерн – признанный франкофил, Баттестин допускает, что несмотря на комплиментарное утверждение рассказчика о том, что «во Франции это устроено лучше», Йорик, подчиняясь общечеловеческой этике, не принимая зло, несправедливость, страдания слабых, восхищаясь сердечностью, участием друг в друге порою незнакомых людей, отмечает и несходство натур, привычек, обычаев англичан и французев. Рассказчик, лестно отзываясь о безупречности манер, учтивости, обходительности завсегдаев парижских салонов, сделает признание, что его сердцу, скорее, близки живописные, странные, необычные характеры его земляков [Стерн, 1968, p. 620].

Своему выступлению, позже опубликованному в форме статьи, Баттестин дал заголовок “A Sentimental Journey”: Sterne’s “Work of Redemption”, где воспользовался словами Стерна, который, следуя свидетельству Ричарда Гриффита, показав гостям незавершенную рукопись «Сентиментального путешествия», назвал ее «книгой-искуплением» [Battestin, 1994, p. 191–192]. Исследователь, поначалу в докладе, а позже в очерке, постарался развернуто реконструировать духовный климат Англии 1760-х гг., важные биографические подробности жизни Стерна. Литературовед напомнит, что знаменитый филолог Лео Шпитцер соотносил с эпохой Просвещения кризис христианской идеи мировой гармонии, и укажет, что в восприятии известного философа-лингвиста XVIII век предстал как своего рода разрыв в истории западной культуры, когда религиозная традиция отступила под натиском науки, а европейское общество постепенно выходило из-под церковной опеки и приобрело светский характер [ibid, p. 189].

¹ Забавно, но Айен Джек и редакторы флоридского издания собрания сочинений Стерна, М. Нью и У. Дэй, прислушиваются к шутливому комментарию слов Йорика/Стерна его другом Холлом-Стивенсоном, вероятно, автором продолжения «Сентиментального путешествия» Йорика (1769), где он, Холл-Стивенсон/Евгений, уверяет, что предметом полемики Йорика и не названного им собеседника был обычай, принятый во Франции, пить за здоровье гостя сугубо во время трапезы, после чего процедура поднятия тостов уже не подчинялась правилам [Jack, 1984, p. 231; New, 2002, p. 230].

Баттестин уточнит, что годы радикального обновления философии и кризиса религии совпали со временем, проведенным Стерном в Кембридже, центре либеральной англиканской теологии, где в 1737 г. после получения степени он начал церковную карьеру [Ibid, p. 189]. Именно в Кембридже за Стерном упрочилась репутация язвительного остроумца и либертина. Здесь он познакомился с идеями философии Нового времени, которая стала глубинной интеллектуальной субстанцией «Тристрама Шенди» и «Сентиментального путешествия» [Battestin, 1994, p. 189–190].

В Кембридже также произошло важное для Стерна знакомство, затем переросшее в долгую дружбу, с одаренным молодым аристократом Джоном Холлом-Стивенсоном, атеистом, любящим жизнь, Рабле, поэзию Рочестера. Вскоре Стерн и его однокашники образовали сообщество «Одержимых» (“*Demoniacs*”), где Стерн, согласно биографам, шутивно исполнял роль капеллана. В усадьбе Скелтон Холла-Стивенсона, прозванной завсегдагами «Замок безумцев» (*Crazy Castle*), устраивались пиршества, встречи, веселые интеллектуальные поединки, а эпизоды жизнерадостных розыгрышей, проделок позже вошли в фабулу «Тристрама Шенди» [Ibid, p. 190].

Но не только шалостями были заполнены дни, проведенные Стерном в Кембридже, где он проявил себя как начинающий философ и теолог. Стерн увлекся трудами Ньютона, Сэмюэла Кларка, архиепископа Тиллотсона, носителя идей латитудинаризма, к которым впоследствии он тяготел. В бытность студентом Стерн прочитал «Опыт о человеческом разуме» (1690) Локка, трактат, который содержал, по его мнению, «праведную философию» (“*holly philosophy*”) [Ibid, p. 190]. Исследователи единодушны в том, что именно увлечение эпистемологией Локка определило семантику и форму «Тристрама Шенди». В нем по праву видят первый текст английской литературы, оказавшийся после «потрясения», отделившего классическую традицию, в границах эстетики модернизма [Ibid, p. 190].

Баттестин упомянет еще одно обстоятельство, произошедшее со Стерном в студенческие годы, случай печальный, изменивший его жизнь и, быть может, подтолкнувший Стерна более настойчиво желать примирения мирских удовольствий и духовных ограничений, накладываемых будущим саном. В один из дней, проснувшись, он обнаружил, что болезнь легких стала угрожающей, а постель пропиталась кровью. С этого мгновения немощь и смерть преследуют Стерна. В дальнейшем, несмотря на веселость и эксцентричность натуры, вопросы о быстротекущем времени и смертном уделе, проблемы души и телесности человека не будут для него предметом праздных спекуляций [Ibid, p. 190–191].

В своем докладе Баттестин посчитает необходимым вернуться к важному решению Стерна, избравшего в качестве протагониста «Сентиментального путешествия» небезызвестного пастора Йорика. Образ Йорика, восходящий к шекспировской аллюзии-метафоре, с течением времени все более широко используется Стерном и становится его литературной маской, определяет многие публичные жесты, эксцентричность поведения. Стерн поставит имя Йорика на титульном листе сборника проповедей, припишет авторство Дневника, обращенного к Элизе, также Йорику, заставит Евгения оплакивать безвременную кончину друга в «Тристраме Шенди», где об ушедшем из жизни, столь походившем на Кихота веселом церковнике будет напоминать пугающий мрак черной страницы.

Однако Йорик «воскреснет» и обретет иное предназначение. В «Сентиментальном путешествии» он не только выступит в роли повествователя, главного героя, но и философа-перипатетика последней незавершенной книги, которую, как подчеркнет Баттестин, Стерн многозначительно и таинственно назовет “*his work of redemption*”. Исследователь обратит внимание на явные перемены в мироощущении Стерна, который прежде прославился язвительными эскападами из «Тристрама Шенди», провокационной манерой шокировать благовоспитанных джентльменов скандальными выходками, закрепившими за ним репутацию имморалиста, в сердцах названного негодующим Джонсоном “*contemptible priest*” («презренным монахом») [Battestin, 1994, p. 192].

Несомненно, Стерн в «Сентиментальном путешествии», произведении во многом автобиографическом, где герой покидает домашний кров, отправляясь в волнительную поездку на континент, поставит перед собой задачу важную и значительную. К 1760-м гг. писатель осознает, что смертельно болен и постоянно возвращается к размышлениям о человеке и конечности его земного пути, ценностях жизни.

Даже если, вслед за Джеймсом Уорком, исследователи не всегда видят в Стерне большого мыслителя, давшего жизнь ярким идеям, все же, утверждает Баттестин, писатель заслуживает, несмотря на его юмор и остроумие, чтобы его оценивали как первого романиста-философа в Англии. Ведь именно Стерн литературно «переработал» «Опыт о человеческом разумении» Локка и предложил художественную версию субъективности в «Тристраме Шенди». Используя приемы ассоциации идей, длительности времени, Стерн выступит против механистической доктрины Ламетри, его последователей Гольбаха и Дидро, первым предпочел им Юма с его этикой участия и благожелательности, однако отвергнул юмовский скептицизм [Ibid, p. 192].

Мартин Баттестин прокомментирует особенности восприятия современниками Стерна философской основы «Тристрама Шенди». Критик напомним читателю конца XX ст. о наиболее интересных полемистах эпохи и их понимании влияния, оказанного на Стерна, идей механистического материализма. Баттестин обратит внимание на то, что с появлением первого тома «Тристрама Шенди» (1759) многие из критиков ополчились против автора, излишне толерантно, по их мнению, относившегося к материалистической доктрине и не проявлявшего пиетета к христианским ценностям [Ibid, p. 192–193]. Исследователь также посвящает необходимым рассказать о рецензентах «Тристрама Шенди», имена которых биографам писателя не удалось установить. Так, не назвавший себя поэт, воспользовавшись именем «Тристрама Шенди, джентльмена» и обвинив Стерна в отступничестве, предложил студентам-богословам из Оксфорда отложить в сторону проповеди и, вслед за писателем, попробовать свои силы в сочинительстве: написать роман, обратившись к материалам трактата “*Vénus physique*” («Венера физическая» / «Научная Венера», 1745) атеиста Пьера Мопертюи [Ibid, p. 193]. После публикации третьего и четвертого томов «Тристрама Шенди» (1761) некто Кристофер Флагеллан (известно, что это имя – выдуманное и значащее²) предупредил читателей, что в книгах автора возможно найти многое, что приведет их в смущение. Но это лишь следствие увлечения Стерна материалистической философией. «Кристофер Флагеллан» сочинит «Поминальную речь» (“*A Funeral Discourse*”, 1761), где будет оплакивать смерть пребендаря Йорика из Йорка, написавшего «Жизнь и мнения Тристрама Шенди», книгу, принесшую ему успех. Из-за того, что «Флагеллан» не обнаружил в романе духовной составляющей в образах героев, он уподобит Стерна и придуманные им характеры обитателей Шенди-холла механическим игрушкам, в которых «жизни было не более чем в знаменитой утке Жака де Вокансона»³ [Battestin, 1994, p. 193].

Антагонист Стерна, размышляя над воссозданием человеческой природы и обстоятельств в «Тристраме Шенди», подчеркнет, что персонажами в романе управляет сознание, которое человек с трудом может подчинить себе, и, вероятно, его субъективная природа является препятствием в общении людей друг с другом. Это допущение извлечено писателем из «Опыта о человеческом разумении» Локка, книгу, которую Тристрам назвал «...историей... того, что происходит в человеческом уме...» [Стерн, 1968, с. 91]. «Философские вольности» Стерна привели противника писателя, «Кристофера Флагеллана» к решению поместить «Тристрама Шенди» в «пространстве безверия и скептицизма». «Кристофер Флагеллан» сожалел, что ему и Стерну выпала участь жить в то время, когда простейшие истины стали предметом сомнений, а очевидное представляется проблематичным. Автор «Тристрама Шенди» близок Дэвиду Юму, шотландскому философу, который долгие годы, по словам «Флагеллана», «пропитывает мыльными пузырями метафизики атмосферу науки» [Battestin, 1994, p. 195]. Баттестин отдает должное проницательности безвестного критика Стерна, столь тонко оцененного созданным им абсурдный мир Шенди-холла, мир странный, но узнаваемый и современный [Ibid, p. 195]. Если философская направленность «Тристрама Шенди» выглядела явной, то проблема философской почвы «Сентиментального путешествия» представляла темой незавершенной и открытой. Следуя биографам, осенью 1762 г. Стерн в письме к Хол-

² В маске Кристофера Флагеллана соединены конфликтующие смыслы. Если Кристофер подразумевает смиренное следование Христу, то имя Флагеллан вошло в обиход Западной Европы в средневековье, означало самобичевание во имя искупления грехов и позже было осуждено церковью.

³ Жак де Вокансон (1709–1782) – французский изобретатель, создатель первых подвижных механических фигур, принесших ему всемирную славу.

лу-Стивенсону, отправленном из Франции, известит, что у него, помимо «Тристрама Шенди», накопилось немало заметок, черновиков, еще не реализованных художественных произведений. Брошенная вскользь реплика могла быть бравадой и формой самоуспокоения из-за не столь успешных продаж очередных V и VI томов «Жизни и мнений...». Все же предполагают, что свое последнее сочинение писатель задумал давно и еще в 1759 г. с интересом упоминал, общаясь с Робертом Додсли, о «Кандиде» Вольтера и «Расселасе» Сэмюэла Джонсона, где авторы отдали дань жанру путешествия [Ross, 2001, p. 392].

Заявку на будущие, еще не опубликованные тексты, предвосхищающие появление не только VII тома «Тристрама», но и «Сентиментального путешествия», находят уже в первой книге о семействе Шенди, где герой-повествователь поведаёт о поездке на континент. Тристрам сообщит, что в качестве гувернера старшего сына некоего мистера Нодди и вместе с опекаемым молодым человеком они объедут «с головокружительной быстротой» большинство стран Европы, пообещав читателю посвятить этому событию «занимательнейший рассказ» [Ross, 2001, с. 43]. К сожалению, Тристрам забудет об этом намерении и лишь в VII томе своей истории поместит путевые заметки о Франции.

Стерн посетит соседнюю страну дважды. В первый раз он задержится на континенте два с половиной года (с декабря 1761 по май 1764). Поправит здоровье и обретет надежду, хотя, покидая Англию, предусмотрительно напишет завещание. В Париже, к удивлению, обнаружит, что многим знакомо его имя и тексты благодаря благожелательным отзывам в литературных журналах. В столице Стерн пробудет полгода (с января по июль 1762 г.), ожидая приезда жены и дочери. Несмотря на англо-французскую войну, влиятельные покровители⁴ помогут семье получить паспорта с тем, чтобы продолжить путь на юг. Месяцы, проведенные в Париже, окажутся насыщенными. Стерн повстречается с Гольбахом, Дидро, Д'Аламбером, Сюаром, ему представят Дэвида Юма. Личностью и трудами Юма Стерн будет восхищаться постоянно. Писатель вернется во Францию осенью 1765 г., познакомиться с интеллектуалами, приближенными к барону Гольбаху, откроет для себя Италию, ее знаменитые города-музеи – Флоренцию, Милан, Болонью, Неаполь. В Риме Стерн сведет знакомство с аристократическими семьями, и его примет Папа Римский. В середине лета 1766 г. по возвращении в Англию Стерн приедет в Коксволд, где завершит IX том «Тристрама Шенди» и приступит к работе над «Сентиментальным путешествием».

Мартин Баттестин обратит внимание на то, что философы, которых довольно близко узнает Стерн в Париже, открыто исповедовали материализм [Battestin, 1994, p. 195–196]. Однако Стерн, будучи священником, не чуждым свободомыслия, размышляя о преходящих земных и вечных ценностях, о жизни духа и души, понимая тяжесть недуга, все же торопится, чтобы его слово любви к несовершенному миру и человеку, «книга-искупление» пришли к читателю.

В «Сентиментальном путешествии» Стерн дистанцируется от философии Локка и обратится к учению о морали Юма, где доминирующей оказывается сосредоточенность на проблеме чувства и участливости к другому [Ibid, p. 197]. В одном из эпизодов «Тристрама Шенди» рассказчик лестно отзывается о великом Локке, не сомневается в том, что Локк «стяжал себе славу очисткой мира от мусорной кучи ходячих ошибочных мнений» [Стерн, 1968, с. 185]. В то же время негодует, так как уличает своего кумира в предвзятости, убежден, что защита Локком рассудительности и его выпады по поводу остроумцев – опрометчивый поступок, не подобающий философу. Ведь именно воображение, остроумие и способность чувствовать более всего помогут в преодолении пропасти отчуждения, разделяющей людей. И когда Тристрам закружится в веселом танце с милой поселянкой Нанеттой, о чем Стерн упомянет в VII томе «Жизни и мнений...», вихрь теплых эмоций завладеет сердцем красавицы с Лангедокской равнины и путешествующего англичанина, который попадет под очарование невинной простоты прошлого, воспетой поэтами. Сладкие грезы и любовь захватят рассказчика, наполнят его радостью и, подхватив слова хороводной песни «Viva la joie!», Тристрам загадает, что он хотел бы «танцевать, петь, творить молитвы и подняться на небеса с этой темноволосой девушкой» [Стерн, 1968, с. 449]. Мгновения счастья, чувство единения, любви к Нанетте, Богу – «праведному подателю радостей и горестей» [Там же, с. 449] – несут на себе, по мнению Баттестина, искупительную силу оправдания пути героя [Battestin, 1994, p. 197].

⁴ Министр иностранных дел, пэр Франции герцог де Шуазель, философ, писатель, энциклопедист барон Гольбах, приближенные ко двору граф де Бисси и граф де Лимбур.

Список использованной литературы

- Ливергант А. Йорик или Стерн. К 250-летию со дня смерти Лоренса Стерна. *Иностранная литература*. 2018. № 3. URL: <http://inostranka.ru/blog-inostranki/iz-no3-inostrannoy-literatury-za-2018-god-aleksandr-livergant-yorik-ili-stern/> (Последнее обращение 14.01.2021).
- Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие / пер. с англ. А. Франковского. М.: Художественная литература, 1968. 686 с.
- 'Alas, Poor Yorick!': A Sterne 250-Year Anniversary Conference. 2018. URL: <https://sternel-egacies.com/conference-2/> (Последнее обращение 14.01.2021).
- Battestin M. A Sentimental Journey: Sterne's "Work of Redemption". *XVII–XVIII. Buletin de la société d'études anglo-américaines des XVIIe et XVIIIe siècles*. 1994. No. 38. P. 189–204.
- Hardie-Forsyth A. 'Alas, Poor Yorick!': Sentimental Beginnings and Endings. 2018. URL: <https://voltairefoundation.wordpress.com/2018/04/19/alas-poor-yorick-sentimental-beginnings-and-endings/> (Последнее обращение 14.01.2021).
- Jack I. Introduction to "A Sentimental Journey". Sterne L. *A Sentimental Journey. The Journal to Eliza. A Political Romance*. Oxford, N.Y.: Oxford UP, 1984. P. ix–xx.
- New M., Day W.G. Notes to "A Sentimental Journey". *The Florida Edition of the Works of Laurence Sterne. Vol. 6: A Sentimental Journey through France and Italy and Continuation of the Bramine's Journal: The Text and Notes* / Ed. by M. New, W.G. Day. Florida: University Press of Florida, 2002. P. 230–383.
- Ogée F. "This matter"? "Better in France"? Laurence Sterne et le voyage sentimental. *XVII–XVIII. Revue de la Société d'études anglo-américaines des XVIIe et XVIIIe siècles*. 1986. P. 5–15.
- Ogée F., Battestin M., Dupas J.-Cl., Tadié A., Mullan J., Viviès J., Descargues M. Laurence Sterne and "A Sentimental Journey. *XVII–XVIII. Buletin de la société d'études anglo-américaines des XVIIe et XVIIIe siècles*. 1994. No. 38. P. 185–269.
- Ross I.C. *Laurence Sterne: A Life*. Oxford: Oxford University Press, 2001. 498 p.
- Seidel M. Narrative Crossings: Sterne's "A Sentimental Journey". *Genre*. 1985. Issue 18. P. 1–22.
- Sterne L. *A Sentimental Journey through France and Italy*. Sterne L. *Selected Prose and Letters: in 2 Volumes*. M.: Progress Publishers, 1981. Vol. 1. P. 323–490.
- Sterne L. *The Life and Opinions of Tristram Shandy*. London: Harper Press, 2012. 624 p.
- Viviès J. "A Sentimental Journey", or Reading Rewarded. *XVII–XVIII. Buletin de la société d'études anglo-américaines des XVIIe et XVIIIe siècles*. 1994. No. 38. P. 243–253.